
Михаил ГУНДАРИН

MINDESTKONTAKT ERFORDERLICH¹

Повесть*

1. РОМА, БАРМЕН

Бармен Рома — небольшого роста, с крашеными волосами, шуплый; по виду мелкий Курт Кобейн с каким-то очень простодушным взглядом светло-серых глаз. Совсем не кобейновским! Одет в футболку нейтрального цвета, на руках неразборчивые татуировки. Лет, что ли, тридцать пять ему?

Бар маленький. Да и не бар вовсе, а стойка на фуд-корте, несколько десятков золотых кранов в пять рядов (сверху вниз) торчат из стилизованных бочонков. Тут же два-три столика. Посетители пьют пиво, Рома разговаривает с ними, а кажется, что сам с собой. Да так и получается — редко кто дослушивает его бормотание до конца.

Вообще, говорит как бы не всерьез, как бы играя. Это чтобы, если что, отыграть назад, превратить в шутку.

— Истина — это ведь что? Только то — да? — что вы видели сами. Посмотрели, сравнили с увиденным ранее, сделали оценку и получили выводы. То, что вы видели сами, ну ведь правда? «Видели» и «слышали» — разные вещи. Собственные ваши выводы и выводы, сообщенные вам кем угодно, — абсолютно разные вещи. Ну согласитесь! То, что вы не видели сами, истиной не было и не будет. Это будет слепой верой. Которая характерна для фанатиков. Фанатик — тот, кто слепо верит в услышанное. Мы не фанатики, правда?

Кто и слышит его (если такие есть), с ним не спорят. С чем тут спорить? Играет — фоном — музыка, Стинг вроде.

Рома переходит к самому главному.

— Что такое пандемия — сильная эпидемия, бушующая на территории стран и континентов. А что такое эпидемия — инфекционное заболевание, значительно превышающее обычный уровень, при котором заболевает пять и более процентов людей. Посчитаем. При живущих на Земле семь целых семь десятых миллиарда заболеть должно минимум четыреста миллионов. За год. При живущих в регионе два с половиной миллиона человек заболеть должно сто пятнадцать тысяч. При живущих в подъезде дома трехсот человек заболеть должно пятнадцать. Если в деревне на одной улице живет сто пятьдесят человек, то заболеть должно семь. Теперь посмотрите и посчитайте.

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Преподает в вузах, кандидат философских наук. Автор более 10 книг стихов и прозы, многочисленных литературно-критических статей и эссе. В соавторстве с Евгением Поповым написал биографии Ф. Искандера и В. Шукшина. Живет в Москве.

¹ С немецкого — «требуется минимум контакта», стандартная пандемийная формула.

* Журнальный вариант.

Вас не удивляет, что в первый год вы не видели ни одного заключения патологоанатома о смерти от коронавируса? Хотите посмотреть? Попробуйте. Не получится. А потом да, потом стали писать. Вакцина — на респираторный вирус (как платформу) прицепили часть капсулы с кодом коронавируса, на который должен отреагировать ваш иммунитет. Вакцину выращивают. И колют в тело человека. Тело после укола получает, как минимум, двух врагов: аденовирус и код коронавируса. Тело начинает реагировать в виде выработки белка, атакующего и нейтрализующего врага. Команду вырабатывать белок, идущий на врага, выдает геном. Исследований на выдачу команды геномом не велось. Исследования реакций на код коронавируса не проводилось. Это так, можете проверить, да!

Из исследований аденовируса известно, что он ведет к поражению бронхов и легких. Кроме поражения аденовирусом дыхательных путей, нет других исследований. Исследований, будет ли долбить вирус ваши личные гены и хромосомы, тоже нет. Примерно двадцать тысяч генов, находящихся в геноме, могут быть подвержены бомбардировке. А могут быть и не подвержены.

Такие исследования длятся минимум десять лет. А так как гены в определенной комбинации отвечают в теле за все, к примеру за деторождение, то, что будет с вашим потомством, также неизвестно. В ковид кто кололся, тем только хуже было. Именно поэтому. И они снова, снова!

На последних словах он особенно яростно ворвался салфеткой в пивную кружку. И еще раз, и еще.

Может быть, он актер? И это он так учит роль? Такой вот актер любительского театра. Им задают разные упражнения, даже не в смысле заучивания слов получается суть, а в том, чтобы проговаривать большой объем текста. И не то что смысл не важен — он даже вреден. Чем бессмысленнее текст, тем лучше упражнение. Ну вот, например, берется чей-то пост в соцсети, и его надо заучить и произнести, будто бы он что-то означает. Будто Шекспир. Шекспир, ха!

— То, что внедренные два врага в ваше тело разбалансируют ваше тело, надеюсь, сомнений нет? Это побочка. В случае побочки нужно выяснить, какой из врагов нанес вам поражение. А этого, к сожалению, в местных больничках не делают. Страшные картинки в телевизоре из «красных зон» на вопросы не отвечают. В так называемых «красных зонах» находились люди с поражением легких от аденовируса (платформы) или от кода коронавируса? Чуваки, так? Или те, у кого нет иммунной системы? И почему у них вдруг ее не стало? От разбомбленных врагом хромосом? Или от расстрелянных аппаратом ИВЛ легких? Вот правда в чем!

Тут Рома чувствует, что градус, пожалуй, излишне высок. Умолкает, оглядывается по сторонам. Никого за столиками, конечно, всех распугал. Опять.

Остается адресоваться к бородатому толстяку в красных сапогах и шляпе с пером — подарку одной из пивных компаний, пластиковой статуе в полметра ростом. Толстяк, держащий кружку с преувеличенно кудрявой пеной, притулился в дальнем углу. Сначала Рома обращается к нему через плечо, взглядом ища новых клиентов (тщетно). Потом, увлекаясь, подходит вплотную. Говорит он как будто про себя, полупшепотом, но жестикулирует отчетливо и даже горячо.

— А не были ли созданы «красные зоны» специально для направления в них потока денежных средств? А? А не умерли ли люди в больницах от вторичной инфекции (то есть от пневмонии), а совсем не от коронавируса? А заглядывали ли вы в заключение патологоанатома? А почему заключения патологоанатомов держат за семью печатями? А не является ли эмоция страха, нагнетаемая органами власти, триггером для реакции тела на решение заболеть? Вот! Триггером! А является ли решение уко-

лоться вашим? А если оно не является вашим, то чьим? А нет ли у вас ощущения, что ваше решение давно никого не интересует? А нет ли у вас мыслей о том, что вы давно живете чужими решениями? И совсем не своей жизнью? Вопросов больше, чем ответов. Посчитаем тех, с кого начали вакцинацию, ну? Сколько их осталось?

Толстяк молчит, но смотрит на Рому как будто одобряюще.

— Сколько умерло в вашем доме за все время ковида? Их должно быть пять и более процентов, чтобы говорить об эпидемии. Выводы делать за вас никакие не буду. А если у вас появятся свои выводы, то вы можете взглянуть на ситуацию под другим углом. Естественно, они появятся, если вы посмотрите. А не услышите. Хотя смотреть многих давно отучили. А позволяют только слушать. Если понаблюдаете, а не услышите, то перестанете отстаивать точку зрения какого-нибудь певца, или актера, или бизнесмена. Звезды, короче! Получающей огромные бабки за пропаганду бизнеса, крышующего чиновниками. Истиной для вас является то, что вы видели сами. А ответственность является то, что вы смогли об этом сказать другим. Да, сказать!

Тут звонит телефон. Нейтральная мелодия.

Рома прерывается на полуслове. Это его босс. Видно, отношения у них товарищеские. Ну, в таком мелком бизнесе как иначе.

— На скольких кранах «Жигулевское»? Сейчас, Коля, подумаю... то есть гляну, ага... На пяти. Почему мало? Нормально, я считаю. Жарко? Хорошо, завтра увеличим. Ты приедешь? А что за вопрос, ну ОК, жду.

Рома умолкает. Видно, его терзают предчувствия.

Через пару часов приезжает босс. Это здоровый молодой парень, качок, как говорили раньше. Одет в майку какого-то атлетического клуба и безразмерные, типа спортивных, но все же не спортивные штаны. С лампасами. Тема сезона. Но взгляд у него еще простодушнее, чем у Ромы. Он вообще легко смущается.

— Ты это, Ромыч... на нас тут давят, прививку надо сделать. От этой новой хрени, ну знаешь сам...

Рома молчит.

— Ну, мужик, я все понимаю, блин. Но надо. Нас закроют же иначе. И отсюда погонят, а куда пойдешь? Будешь делать?

— Да, конечно, — говорит Рома. — Но мнения своего не изменю! После работы сделаю, сегодня. Знаю, где круглосуточный пункт.

Босс рад.

— А если что со мной случится после прививки, похороны за счет заведения, понял?

— Не вопрос, — говорит босс, широко улыбаясь.

2. САЙРУС СМИТ/НАФАНИЯ ТВЕЛВ, ПИСАТЕЛЬ

«Двенадцать полос безумия» Сайруса Смита — роман о молодежи, но вряд ли для молодежи. Что западной (Смит — канадец, хотя живет в Таиланде; действие происходит именно там), что тем более нашей. Молодой (ему тридцать лет) автор создал своего рода экспортный (речь об экспорте в другую возрастную группу) вариант своей истории. В расчете на то, что хотят узнать о его ровесниках люди гораздо старше. В общем, прием известный. Вспомним Салли Руни. Мне приходилось видеть, как люди в солидном возрасте говорят о Руни с придыханием — мол, вот она, правда жизни. Вот чем живет современная молодежь и вообще настоящие, современные люди.

Не по этому ли — экспортному — пути шел со своими первыми вещами, например, Василий Аксенов?

Естественно, и Руни, и Аксенова активно, и весьма, читали и их ровесники, но успех в молодежной аудитории пришел, так сказать, извне.

Кроме всего прочего, роман Смита о ковиде, о новой этике в пандемийном преломлении, о спасении, подлинном и мнимом. Среди множества книг, подводящих итоги той пандемии в преддверии новой, эта далеко не самая выдающаяся, но по своему любопытная.

Итак, 2020 год. Давно живущая в Таиланде пара тридцатилетних канадцев — Майкл и Марта — узнает, что родители обоих тяжело больны ковидом. Сообщение с Канадой затруднено. Однако через карантин прорываются семнадцатилетние Джон и Джил — младшие брат (мужа) и сестра (жены). Они бежали, бросив родителей, чтобы не заболеть самим. (Те остались под присмотром профессионалов, так что тут все ОК — сами отправили детей от греха подальше.) Оказавшись в Таиланде, юные канадцы пускаются во все тяжкие (по принципу пира во время чумы). В процесс оказываются включены слоновья и крокодиля ферма, множество тайцев обоих полов и европейцев (есть и русский, о нем ниже). Увы, юные безобразники увлекают в оргии и Майкла с Мартой. Тут дается серьезный намек на инцестуальные отношения. Как можно догадаться, все персонажи оказываются в итоге заражены ковидом.

Далее автор использует интересный прием. Он перечисляет всех участников тайских походов молодежи, пронумеровывает и помещает в таблицу. Всего сорок восемь человек (животные сюда не попали — хотя, как знаем, могут болеть ковидом и уж точно разносить его). В таблице четыре столбца. Первый — фамилии, второй — четвертый — характер и исход заболевания; второй столбец — легкая форма, третий — тяжелая, вплоть до ИВЛ, четвертый — смерть.

Читателям предлагается, во-первых, вынести решение по каждому и сравнить его с авторским (как пишут, возникли уже ресурсы в соцсетях, где публика активно спорит, кто какой участи заслуживает; то ли феномен вторичный коммуникации, так ожидаемый автором, то ли издательский маркетинг). Во-вторых, угадать, как было на самом деле (якобы все это взято из реальной жизни, и каждый из сорока восьми имел своих прототипов).

СПОЙЛЕР: ожидается, что главный герой, Майкл, уж во всяком случае останется жив, ибо является альтер-эго автора. А вот и нет! У автора здесь совсем другое альтер-эго, в чем и заключается один из хитрых винтиков книжки. Об этом я скажу в конце.

А вот и русский. Звать его — конечно же! — Иваном, он бизнесмен средней руки из русской глубинки, а именно города Тверь (!). Иван пьет много водки, курит, вступает в половые отношения абсолютно со всеми вокруг, включая... летучих мышей. При этом он произносит монологи типа:

«В нашем отечестве, как и в Европе, человечество посещает всеобщий, повсеместный и страшный вирус, по возможным подсчетам, и насколько я помню, не чаще сейчас, как раз в четверть века, иными словами, один раз в двадцать пять лет. Я не спорю с точной цифрой, но это очень редко сравнительно.

— По сравнению с чем? — спросил Майкл, затягиваясь папиросой.

— О! Например, с двенадцатым веком и с соседними веками с одной и с другой стороны. Ибо тогда, как пишут и утверждают писатели, всеобщий мор человечества посещал его раз в два или, по крайней мере, три года, так что при таком положении дел человек даже прибегал к принесению человеческих жертв, хотя и держал в секрете. Один из этих паразитов, приближаясь к старости, заявил сам по себе и без какого-либо принуждения, что он за свою долгую жизнь принес в жертву сорок восемь человек, включая монахов и младенцев — около шести, но не более. Как выяснилось, он никогда не трогал светских взрослых с этой целью».

Кажется, что это какая-то малосвязная ерунда, имитирующая неграмотную, ломаную речь слабо знающего английский нашего соотечественника. Все, конечно, смешанное с русской привычкой ожидать конца света и видеть во всем дыхание апокалипсиса. Макабрическое мироощущение тоже присутствует. Однако не все так просто. Что-то мне эти слова напомнили. Поделюсь маленьким открытием (не знаю, дошел ли до него переводчик «Двенадцати полос», а может, и хорошо, если не дошел): монолог Russian Ivan есть не что иное, как монолог господина Лебедева из «Идиота» Ф. М. Достоевского (часть третья, глава четвертая)! Речь там идет, правда, не о ковиде, но о голоде. Посмотрите, как выглядит наш классик в обратном переводе с английского — неплохо, считаю.

СПОЙЛЕР: Иван останется жив в числе шестнадцати человек.

Узнав о своем диагнозе (а заражение наступило практически одновременно, ибо такой уж была интенсивность тайских развлечений), герои должны решить, как проведут четыре-пять дней (или даже меньше), оставшиеся до проявления симптомов. Пятнадцать человек из сорока восьми предаются религиозным обрядам, семнадцать впадают в апатию, один методично подводит итоги всей жизни, что-то записывая в блокнот (комический персонаж — кембриджский профессор-палеонтолог пятидесяти лет, впервые выбравшийся в Таиланд и только там потерявший невинность от рук — ГМ! ГМ! Рук! — тинейджера Джима). Оставшиеся же, наоборот, усиливают градус...

Такое внимание к сексуальной стороне нашего бытия, разумеется, выглядит архаично, и уж точно не ради него писался роман. Так кто же выжил? В чем послание автора миру, сделавшее книгу столь популярной?

Крайне важный факт: уже после выхода «Двенадцати полос безумия» и мирового успеха книги журналисты-расследователи из Великобритании докопались до личности автора. Никакого Сайруса Смита не существует (по крайней мере, как автора книг). Роман написала шестидесятивосьмилетняя темнокожая феминистка из США Нафания Твелв. В свое время она отбывала длительное тюремное заключение — по обвинению в многочисленных изнасилованиях, но, как утверждает сама Нафания, на самом деле за отстаивание женских прав и прав сексуальных меньшинств. Первую свою книгу, «Сексуальные каникулы в Тибете», она написала именно за решеткой. Последние годы Твелв трудится профессором в одном из небольших вузов на юге США (не имея даже среднего образования, между прочим).

Нетрудно предсказать, кого она оставила в живых и кто на самом деле является протагонистом автора! Правда, как в эту компанию выживших затесался (СПОЙЛЕР!) Иван, решительно непонятно. Остальные пятнадцать — девушки в возрасте до двадцати пяти лет, включая Джил (это она альтер-эго автора, несмотря на пятидесятилетнюю разницу) и тайских массажисток с явными чертами трансгендерности (ну, Твелв стоит за своих горой). В ковидное СИЗО — ИВЛ — милостиво отправлено еще четверо, в том числе Марта. Все женщины. Майкл, увы, погибает!

Интересно, что авторский список выживших (точнее, перенесших заболевание легко) не совпадает с реальной картиной, которую Твелв дает бесстрастно, в манере медицинского бюллетеня. Это придает истории некое новое измерение. Автор словно спешит исправить реальность, открывая нам чертеж своей работы.

В заключение цитата из последней главы «Полос». Оставшиеся в живых все вместе покидают негостеприимный (хотя это как сказать!) Таиланд: «Они смотрели на зеленое мясо континента, приправленное зеленовато-голубым карри океана. Каждая думала о своем. О перенесенном испытании не думал никто. Но все знали: оно дано человечеству не зря. Мы заслужили его. Неизвестно чем, но заслужили. Надо терпеть и верить, как узник смотрит в зарешеченное окошко, смотрит неделями, а потом вдруг запоет во весь голос: „Let’s my people go“».

Затем описан великолепный хеппенинг, или дебош: уцелевшие героини романа начинают в экстазе раздеваться догола, вслед за ними это делают и все остальные пассажиры самолета. Полный голых, радостных людей «боинг» глотает мили в безопасной вышине.

Следом за этим описанием идет финальная сентенция: «Они летели, летели в никуда, пятнадцать голых дев, готовых на все. Жалко ли остальных? А представьте, что погибли именно эти люди. Их, только их было бы жалко; больше не о ком жалеть в этом драном мире. Аминь».

Их да еще Ивана, если следовать букве романа.

3. СЕРГЕЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Такой случай, когда встречаешь в отделе дорогого (по местным меркам) алкоголя человека в маске. В торговом центре в масках больше никого. И продавщица без маски. А ты в маске, и он тоже. Причем на обоих маски современные, адаптированные, а не старые, ковидные. Одет он стильно, не по-здешнему, такой кисет замшевый на шнурке на шее болтается, черный плащик с капюшоном, высокие ботинки, узкие брюки с большими карманами на коленях, «тактические». Модные в этом сезоне. Ну, в горы собрался, а тут проездом, тут все приличные люди проездом. И все в горы. Неудивительно, что смотрит на дорогой виски, берет бутылку за бутылкой, вертит в руках, и даже под маской видно, что настроен скептически. Не паленый ли, мол, здесь, за четыре тысячи километров от Кремля? Что здесь может быть подлинного?

— Приветствую, коллега. Из Москвы?

Он кивает как-то неопределенно, разговор не поддерживает, быстро уходит. Потому и уходит, что разоблачен. Узнан. Да и по плащику столичному бы узнали, чего уж. Но по маске вообще в одну секунду. Вот в каких местах, при каких обстоятельствах и встречаешь внезапно себе подобного!

Берешь недорогой, однако вроде как импортный виски по акции. Продавщице — с таким интеллигентным лицом, молодая, наверное, студентка на подработке — лето — а может, уже окончила какой-нибудь филологический, работает в винно-водочном, ибо где же здесь еще — говоришь со вздохом: мол, дорогое ни к чему, не то настроение.

— Бодяжить будете? — догадывается она. — Вот и кола по акции есть, как раз комплект!

— Ну, давайте. И пакет.

Бодяжить! Ну да, слегка шокирован — собственно, и вульгарностью, и догадливостью в равной мере. Хочешь сказать что-нибудь едкое про маску: чего не носите, боитесь, что красоту скроет, так зря — и сдерживаешь себя; пожалуй, пошлет подальше. Будет права. Ей и без маски хорошо, молодость все-таки. Ну, тут Азия. Тут фатализм. Как говорят турки, «кысмэт». Ты и сам такой. Что хорошо, в общем. По крайней мере, бесполезно.

Выходишь на центральную улицу, и вот он, город. Кажется низким, тусклым, как будто обсыпанным серым вулканическим пеплом. Или крупной морской солью, тоже серой (если такая бывает). Как будто фильтры забыл поменять в очках, выйдя из торгового центра, где все краски совершенно нормальные, яркие, неизменные в любом из уголков Земли. Зелени в городе мало, зато неба много — здания не заслоняют. Но и небо какое-то невысокое и словно тоже выгоревшее, с редкими сероватыми облачками. В Москве небо другое. И облака другие. Многофигурные, затейливые. Это научный факт, здесь же степь рядом с одной стороны, с другой — горы, сухо, что облачному строительству вредит.

Вот на кухне у товарища пьете этот самый разбодяженный (как говорят здесь все) виски. Ну хорошо хоть, что дешевый, ибо анекдот про коктейль идиота — односолодовый старый с колой — он везде понятен.

Товарищ — и коллега в прошлом, на одной кафедре сколько лет — удручен разводами, разменами, отъездами всех на свете в дурацкую Москву. Говорит раздраженно:

— Здесь жизнь никому не дорога, потому что она дешева в принципе. Не жалко умирать, получая пятнадцать тысяч. А вот когда сто пятьдесят гребешь, жалко небось. Не знаю, не пробовал. Вот и масок не носят. Плебс, конечно, удаль и презрение к опасности. Но это так, факультативно, не в нем дело. Да и оно из той же серии: пропадай голова моя за грош!

Тут он начинает материться, как-то не слишком умело. Грустное зрелище. Квартиры и правда дешевы, между прочим, хотя и подорожали за последние три года. Эта, в которой пьянка, дешева особенно, хотя по местным меркам и в центре находится.

Вдруг появляется мечта: купить — в ипотеку — квартиру в этом городе. За те деньги, что в Москве стоит однокомнатная в Гольянове, здесь светит стометровка в новом доме, на этой самой центральной улице. Нормальный вариант. Жить, общаться с местной элитой, завести внедорожник, ездить на уик-энды в горы. Летать летом к морю. И зимой можно за границу, кончатся же *события* когда-нибудь. Ходить в кино. На гастролеров-эстрадников тож.

Жить так — вполне себе нормально. Но работать — где? Если удаленно, то хотя бы за те же деньги, что в Москве, там-то они уходят на съем квартиры, на проезд, на кафе, вообще на элементарное обустройство жизни... А здесь разница будет утешительным бонусом. Иногда можно ездить в Москву. На конференции. В театры. На бульвары.

Утопия. А чего приехал-то сюда? Мог бы не приезжать. Не очень и дешево. Ковид пересидел в столицах, а тут что? Хотел переждать предсказанный взлет новой пандемии вдали от суеты и легкой паники столицы. Хотя бы неделю. Устал. Там вечно суета и паника. А взлет все не начинается. Есть, конечно, повод: родные могилы, друзья, все такое. За три дня повод исчерпан, однако номер в гостинице (по мнению местных знакомых, чудовищное жлобство, мог ведь попроситься к кому-нибудь на постой) оплачен вперед. Да и разобраться надо с городом, с собой. А отбоя по пандемии давать никто не думает, так что вернешься в аккурат в самое пекло.

Товарищ тем временем разворачивает мартиролог — что там случилось с коллегами. Мартиролог потому, что все мрачно, независимо от жизненных сюжетов. Кто-то и правда помер, и правда от ковида. Большинство, однако, живы и относительно здоровы, хотя бедны, да, за исключением Зои Петровны (у нее муж в администрации), Ивана Матвейча (ну, тот старый жук) и — вот неожиданно — Наташки Гарнец.

А вот ректор, старый, отставленный, на том свете. И много кто еще из местной элиты, бывшей, постсоветской. Товарищ этому рад.

— Нужна нам была эта пандемия, нужна, чтобы хоть как-то уравнять всех. Революция своего рода. В Москве-то уровень смертности был тоже о-го-го. Думаешь, случайно? Нет, не случайно, и случайно ничего не бывает. Там собралась верхушка, хоть проредить ее. И новая пандемия для того же нужна.

Намека тут нет, уж он какая верхушка, а в целом возразить нечего. В том смысле, что если принимать такую глобальную, конспирологическую систему рассуждений, то что тут возразишь-то.

Товарищ переходит к культурологии, так сказать, по прямой своей специальности.

— Маски! Тут тоже все не просто. Вот сейчас Летова все вспоминают.

Он фальшиво напел (будто можно это петь иначе):

О, слепите мне маску от доносчивых глаз,
Чтобы спрятать святое лицо мое,
Чтобы детство мое не смешалось в навоз,
Чтобы свиньи не жрали мою беззащитность.

— Понятно, откуда он взял этот образ, он всегда их брал откуда попало. По верхам собирал. Это как бы из Дилана Томаса, а на самом деле из рассказа Кортасара, где цитируется Дилан Томас. Даже не цитируется, а сделан эпитафией, на английском. Сам рассказ про музыканта, «Преследователь», ну вот Егор на себя вроде как его примерил... как ту же маску.

Почти его не слушаешь — обычная история, он так может долго. Кстати, вот простая мысль: а если эти маски не для того, чтобы защищаться от чего-то внешнего, но чтобы не выпускать нечто — заразу, вирус — наружу? Тогда маску следует надеть на Москву (созвучие не случайно, Москва-маска). И этот город, как и другие города, могут, а может быть, и должны стать такими масками, санитарным поясом. В этом их миссия, тем более что иной нет и не предвидится.

Дальше быстро захмелевший собеседник обзывается обидными, но точными словами. Обидными, потому что точными. Еще одна проблема, кроме работы — люди здесь грубые, что видно сразу. Та же продавщица. «Бодяжить»!

Наскоро прощаешься, товарищу все равно, и даже пить больше ему не надо. Он сидит на табуретке, смотрит в угол, сливаясь с темнотой, так, поди, и просидит до утра, превратившись в интерьер и пейзаж.

Выходишь на улицу, а там все изменилось. Темно. Город наваливается, душит, как черная маска или строгая повязка.

Вдруг вспоминаешь мертвых родителей. На кладбище (был вчера) неплохо, зелено, просторно. Им, может, тоже неплохо. А самому скучно, скучно без них, хотя обиды ведь не прошли. И главная обида прибавилась — что умерли. Задолго до всякого ковида, по несерьезным основаниям, вроде рака, меня бросили. Пусть и было мне сорок с лишним, ну и что, обидно же, знаете.

Еще обиду тянет с блюда невыспавшееся дитя, а мне уж не на кого дуться, и я один на всех путях. Хочется выспаться, а точнее, и не просыпаться. Ну и пожалуйста: соответствующий комплекс ощущений тут как тут. Сложно дышать. Организм услужливо подсовывает симптомы. Чувствуешь, поднимается температура, болит голова, першит в горле, тянет кашлять. Но не боишься ничего. Ты в городе, где никто ничего не боится. Уезжать отсюда поэтому глупо, да и как уедешь, в самолет с явными признаками болезни все равно не пустят.

4. ОЛЬГА, ПОЛКОВНИК

— Зубы разжал живо, сволочь! — прошипела она. — Иначе, на хрен, все выбью.

Он, всхлипывая, немного разжал. Она с удовольствием и с хрустом сунула ему прямо в глотку ствол служебного ПМ. Он почти беззвучно завопил, как будто забулькал даже.

— Молчать! — цыкнула она.

Он послушно замолк, только всхлипывал. На коленях да со стволом во рту не очень-то поболтаешь, конечно. Ну — сам виноват, целиком и полностью сам.

А рука уже устала. Давно не тренировалась, да и возраст... Она аж зашипела, услышав такое от самой себя. Он, услышав непонятный, но грозный звук, испуганно застонал.

Сцена происходила на третьем этаже большого загородного дома в элитном, как тут все еще принято говорить, дачном поселке Синий Лес, недалеко от областного

города П. Работник регионального Министерства дорожного строительства Евгений Иванович Б. стоял на коленях и трясся, а его супруга, полковник МВД Ольга Семеновна, боролась с желанием снять с предохранителя и нажать на курок. И вышибить ему мозги прямо вон на ту стену, под фотографию, где они с этим подлецом в славное, мирное время девяностых, конечно же, в Париже.

Подонки попадали на измене — в очередной раз, конечно, но сейчас это было прямо вопиюще. Видите ли, сказал, что уезжает во главе пандемийной инспекции в районы, а сам отправился с девками в загородный пансионат. Причем недалеко от их поселка!

А ведь она ему четко и определенно обещала в прошлый раз, что пристрелит как собаку. Ее учили выполнять обещания с детства.

Тридцать лет назад, когда они познакомились, он был кудрявым красавцем, старше ее на пять лет, славился на весь институт своими похождениями — при этом был добродушен и даже учился хорошо. После армии, конечно. Родом из деревни, как и она. Но она — дочь сельских учителей, он — председателя богатого колхоза. Он всегда был несколько богаче окружающих. Так и осталось на всю жизнь. Он поступил через рабфак, для отслуживших, она — как золотая медалистка. Других шансов попасть в универ ни у него, ни у нее не было.

Она, значит, поступила на первый курс юридического, он окончил третий. Непонятно, что он в ней нашел. Худая, высокая, совсем неяркая — неинтересная, как говорила бабушка. Неинтересная ты у меня — так вот вздыхала. Ничего, справилась и с этим. Как-то все быстро закрутилось и вот крутилось всю жизнь, не останавливаясь.

Это он ее устроил в милицию, сам уже работал в администрации. Да и проработал всю жизнь, причем на должностях скорее рядовых. А предлагали, предлагали пойти на повышение. Но оказался умным. Что поважнее поредевших кудрей и оплывшего лица. Вершина, на которой он держится много лет, — замминистра по дорожному строительству. Самое то. Министры сменяются, ему хоть бы что. Двоих посадили, а ему и не страшно. Ловкий, с... сын.

Ладно. Она вытащила ствол, вытерла носовым платком мужа, лежавшим сверху в горке чистого белья, кинула платок ему. Все еще стоя на коленях, Евгений Иванович шумно вздохнул, закашлялся, проглотил слюну (и кровь, поцарапала она там серьезно), утерся.

— Ну что ты... — прохрипел он. Откашлявшись, сказал еще раз: — Ты что уж...

— А то, — сказала она спокойно. — Я тебе обещала. В следующий раз в задницу засуну и проверну четыре раза. Потом опять в рот. Понял?

— Ну, понял, — проворчал он, поднимаясь с колен, — у вас там, конечно, навыки...

— А как с такими поступать? — спокойно ответила Ольга. — По-другому не понимаете.

— Я больше не буду, — вдруг сказал он, прижимая руки к майке. — Прямо черт попутал. Новый ковид этот. С ума сойдешь. И все походили, похоже. Ну, Оля...

— Что Оля, свинья ты такая, — ответила она с горечью. — Ковид-нековид, тебе все одно. Выгоню тебя, на хрен, давно было пора сделать. Все, думала, дети пострадают. Теперь можно.

У них было двое сыновей, один жил в Москве, другой в Питере. Само собой, в квартирах, купленных родителями. Ольга признавала: этот подлец был неплохим отцом. Отец-подлец. Да, именно так. Конечно, она предполагала, что после отъезда детей начнутся сложности. Предполагала — и морально подготовилась. Да с этим, который начал гулять еще до свадьбы, по-другому и нельзя.

— У меня выходной ведь сегодня, — сказал он виновато, — я куда не поеду. Поработаю над отчетом. Насчет контрпандемийных мер в нашем хозяйстве, как вакцинация идет, все дела... А вечером давай посидим. Вина достанем хорошего из по-

гребка, я мясо пожарю, у нас там есть свежачок, вчера привезли, думал, заморозить, а тут и повод...

— Ничего себе повод, — пробормотала она, но уже отходя, отходя, да. — Ладно, занимайся, я пойду к себе, у меня тоже отчеты просмотреть надо. И про то же самое. Потом в баню. Сделаешь часам к семи? И насос перед этим проверь, давно собирался.

— Мадам, — он склонился в комическом полупоклоне, — все будет в лучшем виде. Элита!

— Ну-ну, — проворчала она, успокаиваясь. Оружие — в сейф, первым делом. Потом и правда надо проверить, что там с низовки приходит. Черт знает что пишут, ну честное слово. Поверишь тут в легендарную тупость ментов.

— Но вообще, крыша у народа едет, это точно, — сказала она, полуобернувшись в дверях. — Мы расхлебывать еще тот ковид долго будем. Помню, в Кытмановском районе один тракторист порешил всю домашнюю живность, за женой долго с топором бегал. Думали, белая горячка, оказалось — последствия перенесенного в легкой форме заболевания. Все, я пошла к себе.

— Да кошмар, чего говорить, — согласился Евгений Иванович.

Если бы Ольга Сергеевна, поднимавшаяся на третий этаж с оружием в руках, могла почувствовать взгляд мужа, она бы поостереглась поворачиваться к нему спиной. Впрочем, такой ерунды она не боялась.

Вот когда они с мужем самоизолировались на даче и три месяца за ее пределы не выходили, было покруче. Да и то!

Оставшись один, Евгений Иванович рухнул на кровать и закрыл лицо руками. Потом он нашарил за прикроватной тумбочкой почти полную бутылку коньяка. Коньяк обжег израненный рот (дезинфекция!), он, полулежа, морщась, выпил почти половину бутылки. Учует жена — опять скандал. Но не такой. За это срок меньше полагается. А кстати, в уголке шкафа еще одна бутылочка припрятана. Нас так просто голыми руками не возьмешь. Нам ковид не страшен, ни старый, ни новый. Он пил и трясся. Отходил от стресса.

В восемь вечера, когда Ольга Семеновна выходила из бани в роскошном турецком халате, в таком же полотенце, намотанном в виде минарета, ее ударили чем-то по голове, сзади, со всего размаха. Она повалилась на траву без чувств.

Она очнулась через час, от ночной сырости. В темноте белело что-то большое, длинное и, как тут же выяснилось, тяжелое. Ее ноги. Мокрые волосы понасобирали на себя всякий сор. Полотенце валялось рядом — неподалеку от совковой лопаты, которой ее и оглушили. Полотенце спасло ей жизнь.

Между тем за углом бани происходило что-то чрезвычайное, что-то прямо из ряда вон. Она никак не могла понять, что именно, голова гудела страшно. Следовало справиться с силами и мыслями. Постояв на четвереньках, Ольга Семеновна медленно, с сильно кружащейся головой, поднялась, цепляясь за стену бани. Постояла, вроде почувствовала себя полегче. Шагнула за угол.

Дом, ее дом горел. И горел безнадежно, верхний этаж уже рухнул внутрь, пылающее со всех сторон изоляционное покрытие окружило гибнущее здание как будто коконом. На площадке около дома бегал полуголый Евгений Иванович с дымящимися кудрями, весь исцарапанный, и что-то восторженно кричал, поднимая вверх руки и подпрыгивая.

Чего-то такого она ожидала всю жизнь, поняла Ольга Семеновна. Ну вот, дождалась, со странным удовлетворением подумала она, снова теряя сознание.

5. АФАНАСЬЕВ, ПЕНСИОНЕР

Посмотрел бы я на вас — вот прямо в упор, не мигая, на вас бы посмотрел, если бы на ваших глазах убили всю вашу семью. Точнее, одного за другим пятерых братьев и сестер. Мать не тронули. Об отце и речи не было; где тот отец-то? У!

А потом о характере говорить чего уж. Уж какой после этого может быть характер. У нее, если хотите, еще неплохой сложился характер. Но меня не любила. Жену любила, внуков любила. А те что только с ней не делали!

Один за руки, другой за ноги, да еще и хвост норовит прихватить. А она только так негромко мявк! Мяв! Не оцарапала ни одного из них ни разу. Между прочим, могла бы и оцарапать. Если не сильно, то даже осуждать бы ее не стали. Тоже ведь существо, имеет право оказывать сопротивление. В разумных пределах. Как говорится в американской конституции, мирно собираться и обращаться к правительству с жалобами на злоупотребления. А для нее и семья, и правительство мы с бабкой.

Я как котенка спас у нас там в гараже, принес домой, бабка чуть не выгнала. К черту катись, дурак старый, все такое. И тварь заberi, гадить будет. Будто прям у нас такая чистота, что погадить некуда. Есть куда!

Ну это бабка у меня нервная. И кошка нервная. Только как-то по-разному, не совпали они как-то. Не могли найти поэтому, что ли, общий язык. Сначала. Потом ведь нашли, вот в чем удивительное дело!

А я инженер, на пенсии в сторожа подался, в гаражный кооператив наш. Люблю почитать газету. Раньше выписывали, сейчас нет, вообще ни одного не знаю, кто бы выписывал. Книжки не так чтобы очень. Ну сканворды еще ничего. А вот когда выборы или что, вроде пандемии этой, стали по ящикам толстые газеты рассовывать снова. Не рекламные, информационные. Про правительство, что все в ажуре. Ну это можно пропустить, а интересные материалы почитать, да и про тех же животных.

Я помню, в молодости мы обсуждали связь техники, индустрии и живого мира. Наука бионика тогда возникла. Паук тклет прочнейшую ткань. У дельфинов и летучих мышей ультразвук. Да в конце концов, птицы летают, пользуясь мускульной силой и дорогу находят за тысячи километров. И кошки потерявшиеся находят.

Но это ладно, это ерунда. Кошки-то ковидом тоже болеют, как оказалось. Вот дела. Это я выяснил уже из газеты. Не то чтобы болеют сами, а могут переносить. И им ничего не сделается, а хозяева могут подцепить и умереть в одну неделю. Бывали случаи. Это уже не в газете, а кто-то рассказал, у нас народ неглупый, многие интересуются, Интернет читают. Я как-то с ним не в ладах, да и не хочу. И телефон у меня кнопочный. И доволен. Специально взял такой, чтобы кнопки покрупнее были.

Бабка увлекается, со смартфона выходит в Интернет, соцсети, пишет дочери письма, внукам тоже. Я ей когда первый раз сказал про ковид и кошек, она, как обычно, сделала вид, что не услышала ничего. Но я ее за сорок лет изучил, потом мою информацию перепроверила.

Кошка, когда я ее принес, мелкой, все под диваном сидела, но лоток освоила, ничего особо не драла. Вид у нее довольно противный, трехцветный, как у гиены какой-нибудь. Не знаю, почему так кажется, что у гиены, но похоже, по-моему. Я телевизор смотрю нечасто, у себя в будочке, там первый канал только и второй. Дома и про животных люблю и вот там как раз про гиен видел программу. Похожи! И вот интересный факт: усы у нее, то есть вибрисы по-научному, слева все белые, а справа все черные. Кошка Машка. Внуки назвали. Да пусть себе. Я из деревни, там у нас не звали их никак, а вернее, звали всех одинаково.

Кошке вообще грех жаловаться. Мы с ней как люди общались. Кормили тем, что сами едим. Я отдал две тысячи (тогда еще, сейчас бы все четыре пришлось) за стерилизацию.

Говорю жене: у нас в деревне кота суют в валенок, чтоб не царапался, не кусался, и яйца секатором отрезают. Потом залижет. Ну или сдохнет, но все же все зализывают. В основном выживают. Бабка только фыркнула и плечами пожала, это у нее такая манера. Заставила заплатить, а в клинику сама сносила. Говорит, иначе сам котят топить будешь, как Машкиных братьев и сестер. Нет, я не садист, две тысячи отдал, не жалко. Котят тоже не хочу топить, они ни в чем не виноваты.

Кошка иногда проявляла ласку, терлась, мурчала. Но в основном по углам все пряталась. Внуки ее вылавливали, игрались, а мне не до нее. Выходила ночью в основном пожрать, я с вечера ей в миску дам нашей еды и корма сухого, воды налью. Корм сухой столько стóит, что я за такие деньги только по праздникам ем. Но ничего, давали и корму.

Потом началась пандемия, или как ее там. Потом кончилась. Тут новая. И вот в благодарность за все новость: кошки новую заразу разносят. И наша Машка тоже. Зачем мне такой враг в семье? Внуки приедут, дочь приедет, а она их заразит?

Говорю жене: что с Машкой-то делать? Она как бы не всерьез: возьми в гараж, лопатой прибей совковой и брось там на помойку, ну, или прикопай в углу. Это она говорит, повторю, в шутку вроде, а вроде и нет. Вечно так у нее. Она библиотекарем работала до пенсии.

Лопатой и в угол или на помойку, значит. А лучше, если ковид, все же сжечь. Кто от него помирает, того сжигают же. Я что-то сам не хочу после смерти, но, может, придется, а бабка моя не против. Чую, если помру раньше, она меня сожжет. Да какая разница. В бога я что-то не верю, в загробную жизнь тоже. Пусть хоть на удобрение пускает. Вот кстати.

Если Машку вывезти в наш сад, километров тридцать от города, и там ее истребить? И пепел тот же самый по огороду? Польза хоть, малая, а все же. Потому хотя бы, как я ее буду жечь у себя в гаражах, это ж вонища будет. На саду способнее однозначно.

Да черт ее знает, как лучше. Но думать ни о чем другом не могу, сплю по ночам плохо. Жена моя ворочается, но дрыхнет, что ей. Не ей решать. Никогда она и ничего в жизни не решала, все я.

Позвонил дочери в другой город, между делом сказал, чтобы берегла своих детей от кошек и других, кто ковид этот разносит. Та, как мать, фыркнула, и все. Ну я твердо попросил ее, чтобы она как хочет, а детям, шесть им и девять, все рассказала. А мужа у ней нет, ушел год назад, и хорошо. Такой был какой-то... дрянь, в общем. Его бы вот и не жалко, скажу честно, и это все равно ни на что не влияет.

Рассказал Петру Сергеевичу, мы с ним смена в смену дежуриим. Бывший военный. Майор. Тот засмеялся:

— А все ж ты садюга, что ни говори. Кошку прибить решил, повод выдумал. Ты как этот, Герасим и Муму. Тот тоже в душе садист, тоже повод придумал, барыню, там, и все остальное.

Ну! Это ерунда. Я кошку спас ведь в самом начале. Не спас, так и не было бы разговора сейчас. Будто я виноват, что опять пандемия, что тот и этот, как слышно, помер. И сильные мира сего, богатые, звезды и так далее. А мы с женой немолоды, мы в зоне риска поэтому, хоть особо не болели. Ковид пережили. Теперь помирать из-за кошки — ну глупо ведь.

Опять к жене. Она как будто нехотя, как будто снисходя до меня, объясняет: кошка никаким вирусом заболеть не могла, потому что она никуда не ходит, сидит дома.

Максимум летом (а сейчас лето) у открытого окна смотрит на улицу, мы на третьем этаже. Неубедительно. Ну мало ли какая зараза в воздухе летает, никто не знает ведь толком про этот новый вирус, как он распространяется. И потом, к нам люди ходят, она может подцепить у них и передать дальше, то есть мне с женой.

— Да кто к тебе ходит? — уж не выдержала жена.

Ну и нечего ходить, подумал я. А вообще, могут. И что потом делать? Я же хожу на работу, жена ходит в магазин, разве мало? Кошка подхватит у нас, вирус в ней созреет и к нам вернется. И тогда все, конец, я-то чувствую ведь, знаю.

Кошка прошла мимо как ни в чем не бывало. Я вздрогнул. Вот ведь еще: не заразишься, так с ума сойдешь от ожидания, от ужаса перед будущим. Ну пусть, пусть от мнительности. А если заразишься, когда такое настроение, так и вообще разговор будет короткий. Нужен оптимизм, чтобы побороть недуг. А какой тут оптимизм, с этой Машкой. И ведь вот что она сейчас вышла и мимо прошла? Обычно же не вылазит. Спроста это или неспроста? Кто ее подучил?

Совсем я загрустил. Не сплю снова. Кошка шуршит там, потом тут. Жена храпит, стала вот не так давно храпеть. И тут я посмотрел на нее: она по магазинам-то шляется, хоть в маске, хоть не в маске, это роли не играет. И еще про кошку мне говорит. Что кошка! Тут и другие, знаете ли, кошки есть.

6. ПЕТР, ФРИЛАНСЕР

Петра прошлый карантин не испугал и испугать не мог, ему что, он на работу не ходил, пользовался доставкой. А вот болезни он поначалу сильно боялся. Все принесенное курьерами (они должны были оставлять продукты, мелкие гаджеты, прочие вещи — надо же как-то утешаться — на лестничной площадке его съемной квартиры в Строгине) он, надев маску и латексные перчатки, тщательно протирал санитайзером. И его он получил таким же образом, через курьера, сперва посоветовавшись со многими в сети, какой брат. Победил синенький, в тубике: в тубике сложнее подделать.

Работы сначала стало сильно меньше, потом как-то лихорадочно больше (заказчики после шока развили бешеную активность на новом, бесконтактном поле, копирайтеру нужно было искать новые ходы и приемы). Потом нормализовалось. Все как раньше.

Беда, что Людмила, его девушка, уехав переждать события в свой Саратов, там так и осталась. И уже нашла работу. Временную, однако с перспективой. То есть перспективы жизни в столице, в Петровой квартире, она не видела. То ли дело всего полгода назад!

— Ну прости, котик, — говорила она несколько жеманно по зуму, — ну надо же жить как-то, не у родителей же деньги брать, тем более что у них и нет. И у тебя не буду брать, — опережала она его, — и у тебя-то ведь нет, по сути. Ай, не возражай, да какие это деньги!

Она небрежно взмахивала узкой кистью с модными кольцами и красивым наборным браслетом. Петр злился, потом перестал. Он нашел себе занятие — стал бояться.

Не болезни вообще, не смерти в мучениях, даже не того, что вот он будет умирать здесь, на полу, один, а «скорая» приедет слишком поздно. Почему-то он боялся первейшего признака заболевания — потери обоняния.

Им Петр всегда гордился. Да и то — он носил сильные очки (одно время линзы, но теперь можно было и в очках, какая разница, удобнее). Слышал вроде хорошо,

но к музыке, подкастам, вообще шумам жизни был совершенно равнодушен. То ли дело запахи!

Недаром «Парфюмера» он прочел в четырнадцать и принял навсегда. Может быть, роман Зюскинда его и сформировал как личность. А выученный почти наизусть, он помогал в общении — и с девушками, и с нормальными ребятами. Если они «Парфюмера» не читали или не узнавали цитаты, наконец, если не понимали ее соли (Петр никогда не устраивал викторин, цитату надо было привести так, чтобы она была понятна всем, но ценителям «Парфюмера» особо), — что толку было общаться.

И вот такая угроза. Петр заранее представлял, как однажды не почувствует ровным счетом ничего. Как будто вместо носа у него на лице вырастет тупая голая шишка (видел в детстве такую смелую, с намеком, иллюстрацию к повести Гоголя). Как он задохнется без привычных ароматов. Он всегда обустроивал свое съемное жилье по точкам запаха. Старался делать так, чтобы ароматы из разных мест квартиры не перебивали друг друга, не вступали в битву, а дополняли, усиливали один другой. То есть соприкасались на границах. И вот такая угроза.

Теперь каждое утро он начинал с того, что обнюхивал свои пузырьки и колбочки один за другим: не изменился ли запах? Потому что страшно было потерять обоняние, но получить его в искаженном виде было еще страшнее. Это было все равно что галлюцинация для визуала. Да ведь так и говорят — обонятельные галлюцинации.

Кстати, у него было не слишком много парфюмерных вещей — не более двух десятков. Он предпочитал их не хранить долго, обновлял регулярно, причем, бывало, заказывал задорого и издалека. Теперь, перенюхивая их раз за разом, он все больше пугался предстоящей потери.

Людмила (дурацкое все же имя, старушечье, с запахом в лучшем случае «Красной Москвы», а то и чего повонючее) над манией Петра, так она это называла, только подсмеивалась. Петр не обижался. В конце концов, это его прихоть или его индивидуальное отличие, а Людмила свободный человек, как и он сам. Чего грузить других своими странностями!

Начав читать сеть, Петр быстро узнал, что нас поражает не простой, а нейротропный вирус. Причиной искажения запахов всегда служит или повреждение обонятельных рецепторов, или нарушенная идентификация запахов корой головного мозга. Нечто подобное бывает на ранних стадиях болезни Альцгеймера.

Тут Петр сразу вспомнил свою покойную бабушку, которая вдруг стала ворчать на странные запахи, напавшие на нее. Стоявшие много лет духи стали отдавать бензином, а дезодоранты юного Петра (он уже тогда подбирал их с большим тщанием) отдавали чем-то совсем неприличным. От этого было полшага до того, что враги подливают какой-то гадости в духи, а Петр специально хочет ее задушить, чтобы завладеть имуществом.

Альцгеймера Петру бояться было как-то совсем глупо. Но чтобы тренировать мозг, он начал было учить тексты песен, например «Radiohead», да и бросил. Вернусь к тренировкам лет через двадцать пять, решил он. Сейчас другая повестка.

В общем, даже понятно было, как бороться с потерей обоняния и с галлюцинациями. Дышать эфирными маслами (они у него водились в большом количестве). Медитировать. Представлять себе запахи в виде чего-то материального, что не может исчезнуть из мира просто так. Правда, материализовывались они у Петра почему-то в виде елочек-кондиционеров, вечно отравляющих ему поездки на такси и в маршрутках.

Из соцсетей (в дискуссию он никогда не вмешивался, но читал внимательно) Петр почерпнул несколько самых неприятных вариантов измененного обонятельного по-

ведения (так тоже говорили): «Вся мясная еда воняет тухлым мясом, пришлось стать вегетарианцем».

После этого Петр мясо есть практически перестал, перешел на замороженную брокколи, что, в общем, было очень дешево. От мяса он со временем отвык настолько, что и нюхать стало нечего.

Другие вероятности, вроде грязных тряпок и прочей гадости, он приготовился игнорировать вообще. В общаге института культуры, где он учился, пахло и не таким, со временем он даже начал находить в этом какую-то характерную прелесть. Пометку места, которая останется с ним на всю жизнь, и он будет ее вспоминать именно как посланца из прошлого.

Другая дама писала нечто более сложное и показавшееся Петру опасным: «Обоняние вернулось, и теперь я тащусь от всех парфюмов, кремов, дезиков, мне надо, чтоб все очень вкусно пахло, раньше за собой такого не наблюдала. Была пара любимых парфюмов — и все, к остальному относилась ровно. А сейчас готова их все нюхать сутками. Отсюда новое увлечение, мания — покупаю очень много всех этих косметических средств».

Его как будто подталкивали к проституции! Или угрожали групповым изнасилованием. Представить себе, что вместо нескольких избранных его привяжут к себе бесчисленные ряды чужих, вульгарных (и правда ведь, как правило, фаллообразных) предметов, было в высшей степени неприятно. Как бороться с этим, он просто не представлял.

С Людмилой он общаться перестал, еды заказывал мало, от работы отлынивал — все думал. Выход, конечно, был, и выход радикальный: надо нанести самому себе упреждающий удар. Но как?

Своего рода обонятельная кастрация могла быть произведена либо хирургическим путем (сгодятся и маникюрные ножницы), либо химическим. То есть нужно было нюхать что-нибудь резкое так долго, так много, чтобы потом не приходили ни на ум, ни, собственно, на рецепторы никакие запахи.

Ножницы он отверг. Во-первых, он не знал, что именно ими надо перерезать, куда их втыкать. Да и опасно все же. Уж не говоря, что совсем неэстетично. А запах крови, о! Нет уж, спасибо.

Во-вторых, если запахи рождаются в мозгу, там же, где и их искажения, ножницы не помогут.

Оставалось нанюхаться чего-нибудь до обморока, до отвращения к запахам вообще. Уксус? Нашатырь? Растворитель? Он склонялся к тому, чтобы попробовать, но как-то все медлил.

Тем временем отшумела прохладная весна 2021 года (реки выходили из берегов, но Петр ничего этого не видел, никуда не ходил, хотя карантин давно кончился). На стало жаркое московское лето.

Он спал с открытыми окнами, только так на его десятом этаже было хоть немного прохладнее. Засыпал, измученный тревогами и рассуждениями, поздно. А как-то под утро проснулся непосредственно у открытого окна с обрывком какой-то очень рациональной мысли, заскочившей из недавнего сна: есть, есть радикальный способ разделаться с этим всем вообще. И с запахами, и с их отсутствием, и с этой с... Людмилой, и начальником, оравшим на него по зуму, что он вечно срывает все сроки и должен остаться без копейки, о чем начальник позаботится немедленно. Хрен тебе, хладнокровно подумал Петр.

То ли после, то ли вследствие этого с ним произошло два события: из Саратова вернулась Людмила, пахнущая все так же хорошо. Начался новый пик заболеваемо-

сти, быстро побивший прежние рекорды. Но это уже был штамм «дельта», который потерю обоняния практически не вызывал, галлюцинаций тоже.

Петр стал счастлив. Его начальник благополучно помер от «дельты». Новый поставил Петра командиром над десятком других копирайтеров — как опытного и ответственного работника. Прибавил зарплату. С Людмилой они решили пожениться и взять ипотеку. Фанатом запахов он отчего-то быть перестал.

7. ПАША И ДАША, СУПРУГИ

— Посмотри на панакотту, рекомендую. Такой какой-то у нее образ — и необычный, и не сказать, чтобы чересчур экзотический.

— Часто тут бываешь, как вижу?

— А что, тут интересно, красиво, у всех этих пирожных и тортиков, так сказать, много подробностей и визуальных микросюжетов. Разглядывай хоть слева направо, хоть справа налево. Хоть сверху вниз. Ну а стены какие! Кондитерская «Бухара» не зря называется. Так что панакотта тут как будто с акцентом. И наполеон тоже. Вот рахат-лукум и чак-чак нет, они тут родные и тоже интересные, кстати. Поэтому да, иной раз появляюсь. Я сладкоежкой как был, так и остался. Теперь, конечно, смешно слышать. Но как звучит — «панакотта»! В юности ничего такого не было, помнишь, в «Огоньке» песочное кольцо да торт «Новинка». Но вкусно, между прочим, особенно если кольцо с орешками.

— «Огонек» тот давно закрыли. Да и кофе там был, уж извини, дрянь дрянью. Еще и со сгущенкой!

— Ну такой советский, да. Кстати — и в Америке, я заметил, нечто подобное варят, весь день огромный чан кипит, оттуда зачерпывают и разливают. Но сгущенку не добавляют.

— Зато во Вьетнаме добавляют. Наверное, типа сладкого кокосового молока. Ладно. Ну, о чем будем говорить? Или на панакотту любоваться позвал?

— Позвал, в общем, без дела. Так, поболтать немного. Обменяться мыслями. Можно про музыку и прочие эстетические впечатления. Давай поговорим, например, про Damon Albarn. Просто обсудим. Вышел его новый альбом. Он такой интересный. Алборн вообще интересен именно сам по себе, когда не «Blur», не «Gorillaz». Не другие его загибы в сторону политкорректности. Но есть ли что-то еще в нем, если все перечисленное вычтешь? Мне как раз кажется, что есть. В новом альбоме чувствуется. И знаешь, что именно? Это такая музыка, которая не отличается от музыки девяностых в чем-то самом главном, но в деталях отличается, и еще как. Принципиально. И это придает ей особенную прелесть для нас, видевших эпохи, что ту, что эту. О, эта музыка девяностых!

— Да, сейчас все другое. Вот говорят про нынешнюю музыку разное, но все как-то не то. И хвалят не за то, и ругают.

— Как и про ковид говорили, а сейчас про эту заразу X. Не того надо бояться, ох, не того! Мы-то с тобой знаем. Люди боятся то «цифрового концлагеря», то зомбирования, то всеобщего психического помутнения. Ничего этого не будет. Изменения реальности — еще туда-сюда, но важно понять какие.

— Ну да, я читала, один пишет: революция шудров против вайшьев входит в решающую стадию. Но поскольку мы знаем, что все закольцовано, в глубине уже должна созреть революция брахманов против шудров. История ускоряется, и это может начать происходить на наших глазах. Интересно, в какой форме это произойдет. И не предтеча ли, мол, этому новая пандемия?

— Нет, не предтеча.

— Да уж понятно.

— Это что! Это прямо даже обсудить можно. Есть же вообще нелепости полнейшие. Кто-то упорно двигает гипотезу, что именно вирусам мы обязаны возникновением жизни, дескать, они являются важным регулятором численности вида... Им принадлежит важнейшая роль в истории биосферы нашей планеты!

— Но похудеть от вируса — если уж говорить о его пользе — точно можно. По себе сужу.

— О, ценю твое чувство юмора. Правда. Эта идея была бы популярна, вбрось кто ее как следует — с выдумкой, массово. Мне вообще нравится, в плане идей, что попроще, помассовее. Вот у школьников, пишут, теперь есть такая забава — смотреть, кто из женщин какие маски носит, и представлять, что и трусы у ней такие же! При ковиде маски были более-менее одинаковые, сейчас-то с новым защитным слоем совсем разные. Между прочим, немного похожа конфигурация. И я даже уверен, что были такие модницы, в погоне за total look, к которым это вполне относилось. Надевали одинаковое и на лицо, и на низ. Однако есть и исключения. Не касается правило тех, у кого маски из аптеки — стандартные, одноразовые. Марля. Такая нулевая степень трусов. Выполняет исключительно прямые свои функции. Ну и на ютьюбе полно видео, где маски и трусы меняются местами. Правда, в основном китайцы демонстрируют, ну, или, что лучше, китайянки.

Замечу, что сейчас мода на какие-то особенные маски прошла, а были ведь поначалу и разноцветные-атласные, и с кружевами, и с картинками. Со стразами тоже. Даже наоборот: кто сейчас выйдет в украшенной майке или маске брендовой, Calvin Klein, тот не больно-то за модой следит, а скорее всего, с юга приехал. Дорого-богато.

— Однако пошлость какая. Да это не школьники, это ты сам придумал! Вот вечно у тебя одни подростковые глупости на уме. И потом — маски, может, не носят вычурные, но фирменное белье все носят охотно. А вообще, это пример своего рода апроприации.

— Видно, видно антрополога! Носят белье, но не выставляют же его напоказ! То есть да, была мода, чтобы выставлять, но она прошла, и кто так делает сейчас — дура. Или дурак. А глупости и проказы — скажу для справедливости — были до последнего. Хотя судя по твоим словам, никуда не делись и теперь. Видоизменилось поневоле. Тут есть физиологический нюанс, сама понимаешь... А так-то — да!

— Ты бы еще вспомнил «а что наверху, то и внизу» — цитату из БГ² и алхимический постулат. И в картах Таро то же самое. Помнишь, и у Майринка тоже. Мы его читали сто лет назад. Но к счастью, без всяких сравнений трусов и масок.

— Даже удивляюсь, что тебя оно так шокирует!

— Это типа «удивляюсь, что шокирует в твои-то годы»?

— Ну прям. С твоим эстетическим опытом — вот что вернее. С твоей антропологией-культурологией. Опыт тоже слово вроде обидное, намекающее, но не в этом, поверь, случае.

— С чего бы мне тебе верить?

— Ожидаемая реплика.

— И опять оскорбить меня хочешь?

— Это вот ты, извини, чисто по-женски цепляешься к словам. Не понимаю, чего это так усердно изображать, или, как говорят молодые, «давать» женщину.

— А кого, интересно, я должна была бы изображать?

² Внесен Минюстом РФ в список иностранных агентов.

— Да мало ли кого! Облако. Кита. Дерево. Тигра. Судьбу. Кого хочешь. Полный простор. Все позволено. Ты просто не освоилась. А вот помнишь, я Ваську принес, мелкого. Так что ты мне устроила! Кошатица, аллергия, гадость. И кто потом полюбил Ваську сильнее всего на свете, сильнее меня, это уж точно. А если бы я послушался тебя? Сам был бы виноват. И Васька сдох бы под забором.

— Ну-ну. Вечно ты высказывал ко мне претензии. С чего бы я должна теперь их выслушивать и тем более как-то на них реагировать? Хватит уже, в свое время намучилась. Помню, помню, как в свое время чего только не делала, чтобы тебе понравиться и родне твоей. Зря делала. Потому что бесполезно. А сколько сил зря потрачено!

— Ну, что было, то прошло, давай так. И даже не буду уточнять, было или не было, а если было, то так ли все трагично. Ну и в любом случае после свадьбы это длилось пару месяцев, пока мы не разъехались с моими родителями.

— Пару месяцев! Это тогда только. А потом! Когда ты ушел, я спать не могла месяц, я таблетки пила и все равно ходила как в тумане, днем и ночью. И такие мне кошмары снились, когда я засыпала на несколько минут, что лучше не засыпать было. Ты в это время активно веселился.

— Ничего, ты хорошо отомстила. Когда ты замуж вышла за этого придурка, я думал, что умру. Сразу, в один момент, и повзрослел, и постарел. За одну секунду, мне как будто было восемнадцать, и вот — уже за пятьдесят. Как сердце выдержало — а я думаю, не выдержало, что-то в нем надломилось, с этого и пошло. И уже не мог забыть никогда. Так что будь спокойна, я тоже страдал.

— Ну да, пострадал он пять минут. Страдалец, ну надо ж. Еще претензии высказывает, вы подумайте только. Сам виноват. И помолчи про Алексея, помолчи.

— Да что мне до твоего... э-э, Алексея. Скажу банальность: это судьба, я при чем тут. И он тут ни при чем. Да что теперь, конечно.

— Ну-ну, судьба... Между прочим, это он вызвал «скорую» сразу, я сама отбивалась изо всех сил. Представляю, что ты бы сделал. Руками бы только развел — давай подождем... Давай понадеемся. Судьба... А он вызывал и в больнице потом от меня не отходил. Сам переболел, как потом выяснилось, хорошо, что легко. Я даже не говорю, что делал бы ты, если бы я попала в больницу. Пить бы пошел да жаловаться всем на свою жизнь.

— Может, и так, да только — что толку? Вот и все.

— Ну, так говорить — это просто свинство.

— Это, знаешь ли, факт. Я вон как жил один, так уж и жил. И вызывать никого не стал. И лечиться не стал. Книжки читал, пока мог. Ну... и вот. И встретились теперь.

— А все равно разница есть.

— Вечно ты на своем стоишь! Может, есть, а я думаю, нет, подумай са...

Исчезают.

8. АНАТОЛИЙ, ИНЖЕНЕР

История нашего знакомства началась в седьмом, что ли, классе. Анатолия (а по-тогдашнему Толяна) перевели из другой школы. Просто потому, что его родители получили квартиру в бурно застраивавшемся тогда, в конце семидесятых, спальном районе на окраине города П. В рабочем гетто (таким наш район продвинутыми подростками ощущался и в то время). Школа была соответствующая. Еще и классов полно — от «А» до «Д». Мы в нашем классе «Г» держались одной компанией среди будущих пролетариев. К нам Толян не примкнул и примкнуть не мог. Был, если честно, простоват. Мои родители на близлежащем химзаводе трудились инженерами, его там же — работягами.

И когда он потом окончил наш политех, став как раз инженером, это воспринималось как справедливый шаг нового поколения вперед (так же, как и в отношении меня — ставшего известным в городе П., но, увы, вынужденным бежать оттуда; это, впрочем, другая история).

Помню его в то время (или представляю по школьным фото): уши торчат, передний зуб как будто тоже, глаза широко расставлены, жидкие соломенные волосы падают на лоб и вообще куда попало. Школьная форма вечно мятая, башмаки стоптаные, пионерский галстук замызганный. Ну, надо сказать, в нашей школе и в нашем районе подростки мужского пола аккуратностью не отличались принципиально. Моя форма и обувь, не говоря уже о галстук (его концы я нервно грыз, как и ногти), были не в лучшем состоянии. Плюс длинная редкая челка а-ля Гоголь, которую я вечно тербил. Брр.

Не во внешности Толяна было дело, а в какой-то его простоватости. «Простодырости», как неприлично говорила наша школьная уборщица Мария Степановна; а ее даже директор боялся. Толяна было легко обмануть. Он верил всему — от сведений об инопланетянах до сплетен о наших девчонках. За дезинформацию о летающих тарелках отвечал я, за сальные подробности — рано развившийся в определенную сторону Евгений Б. Мне бы такое и в голову не пришло! Он легко обманывался — но сильно расстраивался потом, дело доходило и до слез.

— Простодырый ты, Толик, — как раз и говорила ему Мария Степановна, утешая, когда очередная наша мистификация раскрывалась, — не верь ты им! Они тьфу, дрянь, а ты парень добрый, из тебя толк выйдет.

Перенесемся на годы вперед. Я окончил наш филфак, преуспевал (сравнительно) в поэтических упражнениях. Собирался жениться. Восьмидесятые кончились. О Толяне я что-то слышал краем: поступил в политех на самую доступную, читай «непопулярную», специальность — «обработка металлов давлением». ОМД. «Оператор машинного доения», как говорили сами политеховцы. Ну, куда ему было податься еще, аттестат получил он троечно-четверочный (я сам еле дотянул до среднего балла четыре с половиной, дававшего тогда льготы при поступлении). Поступил и худо-бедно окончил, пошел на завод... И опять — куда ж еще?

Звездой он стал 19 августа 1991 года. Именно наш Толян, единственный их всех п-ских любителей демократии и лично Ельцина, вышел на площадь Советов к крайкому с самодельным плакатиком. Мол, долой ГКЧП, свободу Горбачеву и все такое. Наша первая независимая телекомпания успела это запечатлеть втихомолку, чуть ли не из-под полы — вернее, из окна редакционного «жигуля» (а то бы камеру отобрали). Потому что простоял Толян минут пять, потом на него набросились менты вместе с какими-то людьми в штатском и отволокли в кутузку, порвав плакатик и изрядно наkostenявав. Дали пятнадцать суток. Отбыл до конца и вышел в другой стране, просидев в застенках режима все торжество демократии. Хорошо, что заступились журналисты, не дали уволить с завода и медаль «Защитнику свободной России» пробили. Улыбающееся, такое же простодырое, как и раньше, лицо Толяна пару дней не сходило с местных экранов.

Я пожал плечами: мне было плевать на дело демократии, а впрочем, и на ГКЧП.

Еще раз услышали мы о Толяне через два года. Да, 4 октября 1993 года он вышел на то же место с подобным же плакатиком. Теперь за его спиной располагалась областная администрация, а вязал его уже ОМОН. Камер было больше, независимое ТВ, к которому и я имел кое-какое отношение, развивалось в П. довольно бурно. На плакатике было написано что-то вроде «Долой диктатуру Ельцина! Да здравствует свобода и демократия!».

В общем, даже непонятно, почему пострадал именно Толян. Демонстраций в то время хватало, буйных выкриков и проклятий тоже. Видимо, властям сильно не понравилась его самоангажированность. Он не был ни с коммунистами, ни с ельцинистами. Он, говоря высокопарно, воплощал тип свободного, независимого гражданина, которого власть ненавидела в России всегда.

На этот раз заступаться за него никто не стал. Все наши свободные медиа держали сторону президента. Кстати, и мне Ельцин в то время нравился гораздо больше, чем вахлаки и жулики с позднесоветскими чертами лица. Толян получил два года условно. С завода его наконец уволили, впрочем, благодаря победе сил добра завод скоро закрылся и сам, к Толяну присоединилась еще пара тысяч аполитичных рабочих. Он-то хоть за дело пострадал.

Кто-то мне сказал, что он уехал с молодой женой (женился летом 1993-го) в район, типа Кытманова или Сузуна.

Больше я о нем ничего не слышал лет десять. За это время я стал местной телезвездой, немного разбогател, купил сильно подержанную праворульную «тойоту», разбил ее, женился, поругался с придурком губернатором, уехал на полгода в Америку по какой-то программе обмена, развелся, пару лет прожил в Москве, работая в рекламном агентстве буквально на побегушках, со сменой губера вернулся в П., поработал в пресс-службе, уехал в Питер, потом в Германию. Вернулся в 2003-м на похороны отца (мать умерла в середине девяностых), полуинкогнито, и вот те на — встретил недалеко от нашей бывшей школы Толяна.

Это он окликнул меня. Узнал. Хотя я изменился, причем сильно. Он — ничуть. Был одет бедно, но чистенько и аккуратно (я ровно наоборот). Ну, остановились. Тогда кофеен и прочего в помине не было. Разговаривать можно было только стоя, потому что скамеек не было тоже: их ликвидировали, чтобы избавиться от сборищ малолетних хулиганов.

Говорил он о себе с каким-то странным энтузиазмом, я отмалчивался. Вернулся из районцентра, открыл маленькое дело по производству мебели (столы-книжки, табуреты). Работает сам, жена помогает с бухгалтерией. Вот работника нанял. При этом ни домой, ни в мастерскую меня не позвал. Врет, поди, подумал я. Да еще и говорит с таким подъемом. Психическая болезнь, не иначе. Ну, учитывая его плакатики, неудивительно.

На том и простились.

И кто же вышел на ту самую площадь в с началом новой «странной пандемии»? Кто вызвал такие большие волнения в п-ском народонаселении (я следил издали, из Подмосковья, куда в итоге перебрался, устроившись библиотекарем; между прочим, в П. я столько не получал и ТВ-ведущим)? Конечно, мой одноклассник Толик.

Дело было, если восстановить хронологию по немногим оставшимся независимыми интернет-медиа, так. В соцсетях мелкий предприниматель Анатолий Л. написал, что проводит 27 ноября на площади Советов акцию, посвященную куар-кодам. Надеется на благоразумие властей и поддержку населения.

Он вышел на площадь. Дул ветер, мелкий снежок. Собралось поодаль человек тридцать. Толян глубоко вздохнул и развернул плакат. На нем было написано: «Да здравствует повсеместное введение куар-кодов! Беспощадно пресекать происки антиваксеров и иностранных агентов! Приветствую максимально жесткие меры властей!» Стоявшие вокруг полицейские растерялись. Собравшаяся группа поддержки тоже. Все ожидали совсем иного. Повисла пауза.

Наконец к Толяну подошел здоровый детина-антиваксер.

— Ты что это, а? — спросил он. — Ты за кого это?

И тут Толян сказал то, что от него до этого не слышала ни одна живая душа.

— А иди ты на х...

Детина ударил прямым в челюсть, не задумываясь. Руки у Толяна были заняты, защищаться он не мог. Да поди защитись от такого. Зазевавшиеся полицейские скрутили хулигана. Толян упал на спину и со всего маха стукнулся затылком о гранитную ступеньку.

Говорят, в больнице он еще и заразился вирусом. Но что-то сомневаюсь, уж сильно литературно выходит. Да и какая разница. Он умер на третий день, кровоизлияние в мозг, обычное дело.

Власти никак не поймут, то ли делать его героем, он, как ни крути, за них был, когда чуть ли не все против, то ли делать вид, что никакого Толяна не существовало. Я, честно говоря, и сам не знаю. Он, типа, простодырый, а мы тут такие умные. Может, и так, а может, и ровно наоборот.

9. АРХИП, ХУДОЖНИК

Ну, положим, пить все же не следовало. Воздержаться бы, хоть недельку. Да куда там! Во-первых, честно говоря, он не воспринял слова Ангелины всерьез. А зря, как оказалось. Во-вторых, это еще вопрос, смог бы его организм выдержать эту неделю. Не факт. Может, и не смог бы. Вот! Тогда к чему все эти рассуждения?

В общем, он оказался в подъезде со своими немудреными пожитками. Сложенными в два пакета сети «Перекресток». Вместительные пакеты, ничего. И крепкие. Но, господа хорошие, а куда ж идти с ними? Ангелина, ну елы-палы!

— Видеть тебя не могу, — сказала Ангелина с ледяным спокойствием. — Вот просто физически не могу. Если бы ты меня только обманул. Да я бы тебе и не поверила! Но ты клялся, сам знаешь чем и сам знаешь где. И после этого, вот веришь — нет, я не твое лицо вижу, а морду беса. Гадкого, гнусного беса.

Это после того, как он пришел, совершенно спокойно, лег спать, даже разделся. Лег в гостиной, на неудобном диване. В спальню к Ангелине не лез, не приставал. Не буянил. И она его не выгнала сразу. Думал, что пронесет. Так нет — утром позвала на кухню, мол, надо поговорить, ну и говорит: пошел вон. А ведь зима. Эх!

Ладно, ушел. Пакеты под лестницей припрятал, пошел, конечно, в аптеку, взял блярки. Вел себя с аптекаршей культурно. Встал у угла дома. Нехолодно, ведь Москва. Тут хорошо. В Сибири мерз, в Крыму мерз. В Москве самое то, самый климат, и вот Ангелина... Может, простит?

Сильно она религиозная. И его по церквам водила. Типа как отваживать от водки. К иконе «Неупиваемая чаша». Помогает, говорят. Он-то в это не верит как образованный человек. Предрассудки, полезные только, чтобы темный народ держать в узде. И все радуются, когда народ сам на себя узду надевает. Тем более интеллигенты. Он этой темой интересовался постоянно, много читал в Интернете, когда у Ангелины жил. Многие даже не знают, как это делается, а он научился. Вот и сейчас — Ангелина на работу уйдет, а он за ее компьютер. И сидит смирно, читает. Сам себе стал нравиться — бородка аккуратно подстрижена, пусть и седая, но еще не полностью, а так, немного и рыжеватая. Очки новые ему Ангелина купила. Красавец, да и баб он всегда привлекать умел, в любом состоянии. Потому что на любое состояние годная баба подберется. Хоть бомжиха, хоть кто. Но это уж на крайний случай. Вот Ангелина — высокая, крупная, хоть и постарше его, но ненамного. С ним она расцвела. И он расцвел.

С зубами только проблема, особенно в холодную погоду. Болят, какие остались. А каких нет, те тоже болят, корешки. Боярка тут первое дело. И лечит, и успокаивает. Ну и спирт в ней все же.

В Крыму он, увы, скатился до состояния бича. Но не виноват. Думал, тепло будет, когда из Сибири свалил. Потому что все достали, особенно этот гад, фермер, у которого Архип в услужении, читай рабстве, прожил три месяца. За скотиной ходил. Навоз убирал. Это он-то — художник! Еле сбежал. Ну, продал кое-что, понятно, из его имущества. Пропил деньги. До Крыма еле добрался, и зря сделал. В Москву, в Москву надо было ехать сразу.

В Крыму оказалось плохо. Работы нет. Может, и есть, но не для него. Ночевал где придется, пока не заболел, хоть не вирусом, и то ладно. Зато познакомился с Ангелиной. Летом у нее денег нет, чтобы на море ездить, а хочется, потому что привычка с детства. Сама — библиотекарь. Вроде для него, художника, не пара, да ладно. По мужской линии у нее провал. И тут он — хоп, и все! И пошла у нее жизнь. А религия стала только мешать. Мужика не было у нее, она и утешалась. А теперь вот есть, и казалось бы, на что ей эти выдумки? Но держалась пока своего.

К себе пустила, в квартирку, метро «Бульвар Рокоссовского» близко, а там до Красной площади двадцать минут. Он дома сидел, отдыхал, отмылся, отстирался, думал начать рисовать даже — ведь уж десять лет, как не брался за карандаш. И сорвался, конечно. Кто без греха, вообще.

Боярка пошла хорошо. Поднялся к Ангелине, стал аккуратно ломиться в обитую черным дерматином дверь, третий этаж. Жить там можно. Две комнатки, кухонька, санузел совмещенный, балкон даже. Если продать эту хату, то на Алтае дом можно взять, участок соток пятнадцать и надворные постройки. Свиной развести, да хоть бы с кур начать. Он уже начал клинья подбивать. Природа, говорил, красота, экологически чисто все. И сорвался. Ну что ты будешь делать! Бес попутал, может, правда. Бесы в церковных фресках изображаются очень талантливо, это он как специалист может сказать. Может, один оттуда соскочил прямо в него.

— Не пушу, — твердо, хотя с волнением, по осипшему голосу было слышно, сказала она из-за двери. — А будешь шуметь, в полицию сдам. Вызову сейчас. У нас тут живо приезжают. С такими не церемонятся.

«С такими!» «У нас!» Москвичка проклятая! Ладно, сочтемся. Сейчас не время.

— Да ведь не повторится больше, и за что в полицию? — ласково сказал он. — Полиция меня отпустит сразу.

— Ага, — саркастически сказала она, — это без документов-то. Отпустят! В спецприемник отпустят или в СИЗО прямо.

Ну это она была права, с документами вышла неувязка. Вернее, как — несчастный случай. Он продал свой паспорт какому-то кавказцу за три бутылки водки. Паспорт был весь порванный, да еще и просроченный. Но все же документ, по нему из Крыма добрался вместе с Ангелиной (на маршрутке), а раньше в Крым на перекладных. Так что ничего, нормальный документ. Думал, что сейчас оклемается, подает на восстановление, и без проблем. Как раз и напился в тот раз на полученную водку. То есть вчера. Ничего не предвещало. И тут Ангелина такой номер выкидывает.

Он даже признался, что без документов остался — пытался разжалобить, не гони, мол. Выгнала, да и запомнила вдобавок. А религиозность для нее один пшик получается.

— Не тебе, подлецу, об этом судить, — ответила она из-за двери на его справедливый упрек, — вон пошел.

— Да и религия твоя пшик! — сказал он тогда в сердцах. — Если бы серьезная религия была, то никакой ковид ей не страшен. А я вот читал, что в твоей лавре произошло, куда ты меня таскала. Эпидемия! Все монахи и послушники короной заболели! На Пасху люди вломились — говорят, проводи службу, и они, больные, проводили. И сколько еще народа позаражали? Тысячи и тысячи! На Пасху же! Там один даже говорил, что они были словно пригвождены ко кресту. А внизу толпа, требующая чуда. Сравнил, ничего себе. А главное, чуда-то не произошло. А? Не произошло чуда! Померли многие. Будь они прямо почти святые, что, им болезнь страшна? Да фиг там! Фальшивые святые! И ты фальшивая! Выгнала меня, сволочь! Что скажешь?

Ангелина не отвечала больше ничего. Стучать со всей силы или пинать дверь Архип не решился. Сдадут и правда ментам. Может, уже звонят сейчас. Он подхватил свои пакеты и вперевалку, как комическая старуха в давнем клоунском шоу (помнил его с юности, по телику видел сколько раз), вышел на улицу.

Москва была чужая и что-то уж больно морозная. Похолодало раза в два, пока он там с Ангелиной объяснялся. Боярка заканчивала свое действие на его организм, денег не было ни копейки. «В церковь пойду», — решил он. Церковь была через квартал. Там еще давеча он видел вывеску, что принимают бездомных. А для чего принимают? Может, котлеты из нас хотят сделать, хорохорился он. Ну, котлеты так котлеты, уж лучше, чем замерзнуть. Может, в монастырь пошлют, ту же лавру, там, если все померли, рабочие руки нужны. Кормить будут, уже хорошо. Потом выправить паспорт и махнуть, может, опять в Сибирь, родные края.

«Или вот, — размечтался он, — буду в лавре вкалывать, типа монахом заделаюсь, приедет, как всегда, дура Ангелина, идет такая, а я вот он, стою. Здравствуй, скажу, грешница, оттолкнула меня, а я вот воцерковился. Выпучит глаза!»

Это так понравилось Архипу, что он пошел в сторону церкви веселее, шмыгая носом и слегка подволакивая левую ногу, чтобы подошва ботинка, надорвавшаяся как раз вчера, не оторвалась совсем.

10. ЗИНАИДА ПЕТРОВНА, СТАРУШКА

Пребывание в инфекционном отделении, или, как говорят по привычке, «ковидарии» (хотя новый вирус с ковидом не имеет ничего общего, да и до сих пор неизвестно, что с новой заразой), тем более в районной больнице, кажется, то еще удовольствие. Но вот 31 декабря 2024 года отремонтированное, чистенькое спецкрыло кытмановской больнички было и пустым, и уютным. Из пациентов осталась только Зинаида Петровна, худенькая старушка из дальней деревни. И то за ней должен был заехать внук на своей «ниве» после посещения районного рынка и доставить как раз к бою курантов по назначению.

Собственно, очередная волна паники пошла на спад, все вдруг выздоровели, кто еще смог это сделать, остальных просто распустили по домам. Уж даже и на Зинаиду Петровну отрицательный тест пришел несколько раз. Но врачи все оттягивали момент расставания — боялись, что больше не увидят, если что — ей все же было девяносто с лишним лет. Старушка несколько лет назад стойко, без симптомов, перенесла ковид, сейчас в больницу ее поместили перепугавшиеся родственники (чихать да кашлять начала) на всякий случай. С родней ей повезло, как мало кому сейчас. Муж умер много лет назад. Сын и дочь живут в ее же деревне. Они давно на пенсии. У них самих уже много внуков, есть и правнуки. Все дружные, благополучные. Занимаются всей семьей закупкой мяса и молока по отдаленным селам, куда крупными перекупщиками ехать

совсем невыгодно. Потом сдают оптовикам. Летом — грибы, ягоды, и перекупают, и собирают. Выигрыш в деньгах маленький, но по деревенским меркам вполне. Много накупили авто, нужных для работы. В основном «нивы», но уже и внедорожники праворульные не редкость, на семью целый автопарк. Подростки гоняют на скутерах по холмам наших предгорий. Молодые отселяются лет в двадцать пять, ставят свои дома или в Николаевке, или в Семеновке. Мини-поселок можно уже собрать из домов этой семьи! Некоторые уезжают в город учиться, иные возвращаются — та же недавно реконструированная (да что там, построенная с нуля) школа в Николаевке укомплектована родней бабы Зины наполовину, если не больше.

Совсем не все в наших краях так благополучно, но я скажу так: многое зависит от человека. Вот, например, в райбольнице все хорошо, потому что главврач Тенгиз Абдулович (красавец грузин, а может, абхаз, в районе сорок лет, приехал по распределению и остался) следит за всем твердо. Но для корреспондента районной газеты, смею думать, любимой в районе, конечно, всегда делается исключение. Больше ни для кого!

Баба Зина сидела на аккуратной заправленной кровати, такая же аккуратная. Походя на полусгоревшую, согнутую спичку, но в негативе: темный низ (фланелевый халат) и светлый верх (клоняющаяся голова в пуховом белом платочке). На ногах у нее красовались самодельные меховые шлепанцы. Это жена внука заезжала с утра, обрядила ее как надо и убежала за покупками, чтобы потом не задерживаться — путь неблизкий.

Я решила поговорить с ней для рождественского номера. Редактор у нас в газетке человек суровый, бывший военный, пенсионер. Он не любит всех этих вольностей, юмора, лирики, литературы, считает, что газета — это что-то вроде боевого листка. Или статистического справочника — где сколько засеяли-убрали. Только со сканвордом и анекдотами. Но! Раз или два в год он позволяет опубликовать что-то такое, личностное. Работать нелегко, да куда мне теперь деваться, всю жизнь при этом деле. В редакторы не берут. Хожу лет двадцать в завотделах.

Человек в районе баба Зина известный, а ехать к ней домой все же далеко, с командировками в газете не все просто. Дело в том, что вот эта старушка в юности была председателем двух колхозов, зампредом райисполкома, потом уже, на пенсии, работала в районном комитете партийного контроля. И в то время, как я узнала не без удивления, ее побаивались. Никогда бы не подумала! Сидит, блаженно улыбается, но себе на уме.

Железная старушка? Даже если и так, осуждать ее я бы не стала. Что мы знаем о тех временах, а уж тем более наши дети, хотя они-то готовы рассуждать обо всем скопом (вот моя дочь, например). Но нет. Кажется, что, выйдя на пенсию, Зинаида стала другим человеком. Или все забыла. Да и что она там такого жуткого могла делать и даже видеть, все же времена были вегетарианские. Работа двадцать четыре часа без выходных, грубые мужики, нехватка всего. Вот и все секреты. Я бы сама на ее месте хотела такое забыть — да и на своем месте, надеюсь, свое, похожее, забуду.

Ну и вот — как раз нужны ее секреты бодрости в непростое время. (Секрет, повторю, понятен, он — в забвении. Но мы напишем про оптимизм и витамины со своего огорода, уж это точно никому не помешает.)

Неожиданно баба Зина заговорила со мной о прошлом. Привожу уже записанный на редакционный диктофон и обработанный потом диалог. Вижу, не очень похоже получилось передать интонацию... но смысл передан точно.

— Да что колхозы, — отмахнулась она, — ну некому было ими заниматься, мужиков поубивало, я и тащила. Не это интересно.

— А что, Зинаида Николаевна?

— А вот была история, послушай, внучка. Я в школе училась с одной такой девушкой, Антониной. Не были подружками, но знали. Я школу окончила и осталась в деревне, сначала бухгалтером, а потом и колхоз дали. А Антонина уехала в город. Связалась там не пойми с кем, тогда мужики шальные были, домой ехать не хотели. Ну и пошла по рукам, конечно. А как иначе? Родила там. Ребенка забросила в деревню, при том сама не приезжала, стыдно ей было, мать ее ездила за внуком. Так толком не присылала ему ничего, откуда деньги-то у гулящей. Перебивался ее сынок, как и все мы, хлеб да квас, да щи по праздникам. Какой-то он недоразвитый рос, но и откуда сыну шлюхи ума взять. Мне не до того было, чтобы следить что, кто да как, я вон как пахала. Замуж я потом уже вышла, за Ваську, он в то время еще в десятом классе учился, но я глаз положила на него, да не беспокоила. Ну и некогда было.

Ладно. Как сейчас помню: осень, холод, слякоть. Пронесся слух: приехала Антонина. Все работу побросали (бабы, девки, мужикам неинтересно, да и я запретила). Стоит она перед селпо, одета как попало. Вроде с шиком, горжетка вроде там, да видно, что все старое, надеванное. Вот только косынка новая, дешевая, красная, как сейчас помню, хоть семьдесят лет прошло. Стоит, теребит косынку. В руке чемоданчик ободранный, гостинцы, что ли, везла. От такой дряни кому они нужны! Все молчат. Ждут меня. Я вышла из толпы, косынку сорвала, под ноги бросила, плюнула в Антонину. И ушла. Развернулась, и все. На работу. Тут на нее все навалились. Били сильно. Палками некоторые. Кровью, рассказали, под конец харкать стала, валялась, как шалава, в грязи. Тьфу... Но не до смерти. Все отобрали, что было, мне вон косынку ее передали, носила потом иногда. Выгнали из деревни, до райцентра пешком голая и босая десять километров брела. Простыла и померла после этого, говорят. Или уехала куда из областного центра. А я вот живу. А почему?

Тут старушка посмотрела на меня торжествующе:

— А потому, что говна людям не делала и не делаю!

Помолчали. Борясь с известными чувствами (дочь моя могла бы оказаться перед ними всеми в таком виде!), я спросила сдержанно:

— А с ребенком что стало?

— С ребенком? — она непонимающе посмотрела. Потом сообразила: — А, с выб...ом. Да вырос, в армию пошел, потом на стройку завербовался и был таков. Дед с бабкой его померли. Так что куда ему было возвращаться. Их домик мы под склад приспособили, потом, конечно, разобрали.

— Ох, это что, а вот давай я тебе расскажу, как мы в девяностом из партии одного исключали, уже в перестройку, прямо целая история, как он упирался...

— Спасибо, — улыбнулась я через силу, — там за вами приехали.

Старушка тут же забыла про меня, и, надеюсь, навсегда...

Разговор тем не менее надо было выдавать в печать. Бредя домой, я решила, что напишу сама и про огород, и про оптимизм. Пусть родня Зинаиды порадует. Ей-то самой, поди, все равно — и к стати: помрет она все же когда-нибудь, возьмет же ее хоть какая-нибудь зараза наконец.

11. СЕРГЕЙ, БИЗНЕСМЕН

Уже потом, после того, как его отключили от аппарата ИВЛ, то есть сначала перевели на портативный кислородный аппарат, затем он стал обходиться без него, сначала по несколько минут, потом больше, и через две недели — оп-па, домой — так вот,

потом он принялся за исполнение зарок, данных себе в полубреду. Когда звучал — то ли в палате, то ли в ушах — один сигнал зуммера — пииииииии... Потом смолк, как будто растворился в ясном небе.

А это было интересное состояние. Он видел, будто со стороны, как суетились врачи, еще и подумать успел: если бы не он, владелец, акционер, бывший депутат и т. п., а простой человек — суетились бы так? Не факт. Одна отдельная палата, в которую его спешно перевозили из реанимации, чего стоит. И в деньгах, конечно, очень немало.

Даже два небольших ангела, размером с крупную индюшку, бывших при этом, удивились. Один сказал другому:

— Слушай, его эта красная гвардия (он про красные кресты, понял Сергей) спасает сильнее, чем Ленина в восемнадцатом.

Такой вот интересный бред, да.

Зароки были простые и вполне даже сбыточные. Во-первых, он женился на своей давней подруге, которая так часто говорила об этом как о своей главной мечте, что не верила до последней минуты, а поверив, уже после церемонии, похоже, впала в экзистенциальный кризис. Чего было добиваться теперь, о чем скандалить, по какому поводу бить коллекционные тарелки (но с разбором бить, с разбором, не все подряд)?! Свадьба прошла тихо, даже секретно. Ничего, конечно, не изменилось, но все остались довольны — подруга быстро привыкла к новой роли, нашла поводы возмущаться и истерить. Все пошло наилучшим, привычным и важным в своей привычности чередом.

Он купил московскую квартиру своей молодой любовнице. До этого опасался, что как только купит — для нее, провинциалки из глухого южного села, эта была высшая, недостижимая мечта, — больше Насти не увидит. Купил. Пока она держалась около. Даже не помешала квартиру изнутри переделать по вкусу Сергея. Впрочем, теплоизоляционная цветная плитка снаружи, на фасаде, приводила ее в куда больший восторг, чем нечто духоподъемное, сооруженное знакомым дизайнером «папика» на огромной кухне. Эта такая недостижимая мечта у них в деревне была — чтобы все в крупных квадратах радужных и пастельных оттенков.

Порешал несколько дел по работе, одних наградил, кого-то уволил (давно собирался). На деле это не отразилось никак, но зарок есть зарок. Сам Сергей, Впрочем, уже много лет никакого активного участия в управлении активами не принимал, доверял своему директору. Старательному человеку бесцветной внешности, почти ровеснику (молодежь Сергей как-то недолюбливал — а честно говоря, в деловом плане просто не видел в упор).

Понятно, несколько раз позвонил за границу детям. Сделал повышенные взносы во все обычные благотворительные фонды. И понял, что свободен. Почти. Не хватало одной детали.

Ни с кем не прощаясь, он собрал чемоданчик и отправился к себе на родину, в сибирский поселок. Районный центр.

От областного центра ехать нужно было часа полтора, но цивилизованно, на маршрутке, по очень приличной дороге. А что удивляться, даже на те налоги, что он платил (уводил от налоговой больше, конечно), здесь можно было бы построить десятиполосный автобан. После стольких месяцев болезни, потом выздоровления в четырех стенах Сергей с радостью глядел на скучноватые пейзажи: холмы, овраги, бесконечные поля с лесополосами.

Приехал в поселок. Снял комнату в бывшем Доме колхозника, теперь небольшом кооперативном, что ли, торговом центре. Тут и сауна, и несколько комнат, и дрянная кафешка с полусохшими мантами и теплой водкой. Сомнительной, конечно.

Сергей гулял по пыльным летним улицам, выходил за околицу. Ничего не изменилось со времен детства. Родни здесь не осталось, школьных товарищей он бы просто не узнал.

Однажды он ввязался в разборки местных — но очень темнокожих, курчавых, низкорослых — парней между собой. Впрочем, и Дом колхозника теперь назывался «Кавказ», как любимый им в ранней юности портвейн. Вроде как вступился за девушку, но теперь на него обозлились обе банды. Им было непонятно, конечно, чего он тут делает, как проводит отпущенные ему еще часы и минуты. Что, разумеется, здорово их раздражало.

Дошло до крайностей. За словом в карман лезть Сергей не привык. И вот он сидел в своей комнате, а они гудели под дверь. Нужно было идти туда. Из всего в целом свете, что могло бы ему помочь, в его распоряжении был только кухонный нож средней величины, почти тупой, но с острым кончиком. Пырнуть пару раз он им еще мог, потом все.

В его время не водилось здесь таких парней, таких разборок. Но дрались, это да, и дрались, бывало, грязно. В ход шли кирпичи, цепи, разбитые бутылки — «розочки». Ну что ж, он выжил тогда, шагнул отсюда. Посмотрим, что будет теперь.

Парни оживленно галдели на своем языке за тонкой дверью, время от времени попиная ее, разминаясь как будто. Скоро перейдут к делу. Ну что ж!

У него болела голова. Голоса как будто сливались в один, и он даже начал различать, что этот голос говорит. А говорил он очень знакомые Сергею слова, ставшие в последние годы самым главным для него. О хорошем, удобном доме, комфорте для себя и для всех близких, интересных, небанальных путешествиях, о той пользе, которую он приносит многим людям, о знаменитостях, которые счастливы с ним общаться, вообще о хорошей, достойной, заслуженной им за долгие годы работы, ошибок, падений и взлетов жизни.

Смолкнувший в больнице зуммер вдруг опять взялся ниоткуда и все усиливался, усиливался, было ясно, что теперь не исчезнет.

— Жизнь, говорите? — пробормотал он и шагнул к двери, сжимая в руке кухонный нож.